

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Рассматриваются особенности криминологического механизма защиты прав человека, который объединяет в себе профилактическую функцию механизма защиты прав человека, реализуемую, в первую очередь, судом, и правозащитную функцию криминологического механизма социального контроля над преступностью.

Ключевые слова: криминология; права человека; защита.

Понятие механизма защиты прав человека, при всей его внутренней сложности и объемности, можно считать относительно устоявшимся в науке. Важнейшими составляющими этого механизма традиционно признаются: 1) нормативные документы; 2) организации и органы, обеспечивающие реализацию тех или иных прав; 3) практика применения нормативных документов; 4) контроль и процедуры рассмотрения споров. При этом о механизме защиты прав человека можно говорить как на универсальном уровне, прежде всего в системе ООН, так и на региональном (например, применительно к международным организациям Европы) и национальном (государственном) уровнях. Очевидно, что в ситуации защиты прав человека от правонарушений данный механизм выполняет важнейшую криминологическую функцию профилактики преступлений: устанавливая запреты, контролируя их соблюдение и применяя санкции в случае нарушения.

Анализируя социальный контроль именно как контроль над отклоняющимся (преступным) поведением, его справедливо рассматривать в качестве одного из направлений уголовной политики государства, которое реализуется в таких видах деятельности, как: охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; предупреждение, раскрытие и расследование преступлений; судебное разбирательство и назначение уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера; исполнение уголовных наказаний; постпенитенциарное воздействие на лиц, отбывших уголовное наказание; возмещение вреда жертвам преступлений.

Очевидно, что профилактический компонент заложен в каждой из отмеченных практик и реализуется наряду с достижением иных целей и задач, стоящих перед субъектами социального контроля (расследование, правосудие, исполнение наказания). В этой связи в теоретическом плане представляется уместным «вычленить» криминологическую функцию суда и собственно субъектов криминологической профилактики и интегрировать их понятием «криминологический механизм социального контроля над преступностью».

Таким образом, если в механизме защиты прав человека сама защита является целью, а профилактика преступности – возможной функцией механизма, то в криминологическом механизме социального контроля, напротив, профилактика преступлений выступает целью, а защита прав человека – одной из функций. Тесная взаимосвязь целей, функций и субъектов рассматриваемых социальных механизмов дает основание для того, чтобы в теоретическом исследовании совместить анализ их пересекающихся аспектов и предложить в качестве операционального понятие «криминологический механизм защиты прав человека». Он будет объе-

динять в себе профилактическую функцию механизма защиты прав человека и правозащитную функцию криминологического механизма социального контроля над преступностью.

В рамках настоящей публикации, разумеется, невозможно в должной мере проанализировать все составляющие криминологического механизма защиты прав человека. Нам же представляется возможным ограничить анализ проблемами, возникающими в той части функционирования данного механизма, которая связана с осуществлением правосудия и деятельностью судов, поскольку:

1) суд занимает особое место одновременно и в системе субъектов защиты прав человека, и в системе субъектов профилактики преступлений;

2) суд совмещает в себе правозащитные и криминологические функции;

3) независимость и в то же время взаимосвязанность судов, как в пределах национальной судебной системы, так и с международными судебными инстанциями, дает возможность оценить и качество межсистемных связей судов различных уровней, и связь правозащитной и профилактической деятельности судов различных уровней с различными видами преступности.

В Концепции судебной реформы в РСФСР подчеркивается, что суд призван занять центральное место в системе правоохранительных органов. Именно он наделен полномочиями по защите прав человека, осуществлению правосудия по конкретным (в том числе и уголовным) делам, ограничению прав человека и профилактики преступности, что в своей совокупности отражает основные направления правоохранительной функции суда. Профессор И.Л. Петрухин указывал: «Существо правоохранительной функции в том, что осуществляющие ее органы контролируют реализацию норм права гражданами, должностными лицами, государственными и общественными учреждениями; реагируют на их отклоняющееся поведение путем расследования и разбирательства дел в суде, применяющем в необходимых случаях карательные и правовосстановительные санкции; организуют борьбу с преступностью и другими правонарушениями; обеспечивают исправление и перевоспитание лиц, посягнувших на правопорядок» [1. С. 39].

Вместе с тем вопрос об отнесении суда к правоохранительным органам и, следовательно, о наличии у него помимо собственно правосудия иных функций, в частности профилактической, в современной науке является остро дискуссионным. Так, Л.А. Воскобитова утверждает, что «судебная власть не может быть использована для разрешения социальных проблем макроуровня, к которым относится и проблема преступности»; «суд участвует в борьбе с преступностью только

при осуществлении публично-репрессивного типа судебной власти; при переходе к независимо-контролирующему (сдерживающему) типу ее осуществления подобная задача не может быть поставлена перед судом, ибо принципиально изменяются сущностные характеристики самой судебной власти», в силу чего «современная криминология не может более рассматривать суд как орган борьбы с преступностью» [2. С. 97, 98]. С другой стороны, А.В. Наумов полагает, что суд не может не являться органом борьбы с преступностью уже хотя бы потому, что именно в руки суда конституция и закон вложили такой инструмент борьбы (сдерживания, контроля) с преступностью, как уголовное наказание, целью которого (среди прочих) является предупреждение преступлений как самим осужденным, так и иными лицами [3. С. 18].

Неоднозначно отношение к этой позиции специалистов, представляющих непосредственно судебную власть. Так, судьи А.А. Толкаченко и К.А. Кадолко указывают, что лишение суда профилактических функций «не только противоречит действующему законодательству и задачам, стоящим перед судами, но и умаляет роль и авторитет судебной власти в общей системе государственной власти РФ» [4. С. 115]. О том, что функции правосудия не исчерпывают социального предназначения судебной власти, пишет Б.С. Эбзеев, выражая свое особое мнение в связи с одним из постановлений Конституционного Суда РФ: «Правосудие в Российской Федерации, если под ним в рассматриваемом аспекте понимать только рассмотрение уголовных дел, действительно осуществляется только судом (ст. 118, ч. 1 Конституции РФ), но суд осуществляет не только правосудие. Во всяком случае Конституция РФ не дает оснований для отождествления понятий правосудия и судебной власти, оставляя известный простор для решения вопроса о возложении (или отказе от такого возложения) на суд выполнения некоторых иных функций, связанных с осуществлением правосудия, что отнюдь не влияет на независимый статус судьи» [5].

Признает важность профилактической функции суда и Верховный Суд РФ. 6.12.2007 г. была утверждена новая редакция Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 1.09.1987 г. № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений». В ней, в частности, указывается, что в соответствующей деятельности судов еще имеются недостатки и ошибки, снижающие ее эффективность. «Суды не всегда глубоко и всесторонне выявляют обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений и других правонарушений, не во всех необходимых случаях выносят частные определения (постановления) с целью устранения этих негативных фактов, а также иных недостатков в работе государственных и негосударственных предприятий, а также учреждений, организаций, общественных объединений, отрицательно влияющих на состояние законности в стране. Некоторые судьи не учитывают, что данная работа имеет важное предупредительное значение, способствуя воспитанию граждан и должностных лиц в духе неуклонного исполнения законов». В связи с этим Верховный

Суд РФ указал на необходимость устранения отмеченных недостатков, имея в виду, что выявление по каждому уголовному и гражданскому делу обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений, и принятие надлежащих мер к их искоренению являются правом суда, вытекающим из закона.

Представляется, что отрицать наличие у суда профилактической функции ни формально, ни по существу нет оснований. В реальности деятельность суда выходит далеко за пределы применения только конкретной нормы права в конкретном деле, а это значит, что ощутимый профилактический потенциал заложен практически во всех направлениях деятельности современного суда: от реализации права законодательной инициативы, дачи официальных заключений на законопроекты уголовно-правового содержания, дачи разъяснений по вопросам судебной практики до разрешения по существу конкретного уголовного дела, вынесения наказания и решения вопроса о гражданском иске в уголовном процессе. Как справедливо указывает К.А. Кадолко, криминологическая функция правосудия «размыта» во всех других функциях судебной власти; она непосредственно взаимосвязана с правозащитной функцией суда, вытекает из нее, поскольку правозащитная функция предполагает, кроме устранения нарушения закона, наличие механизма позитивного воздействия на различные органы всех ветвей власти, что невозможно без выявления и понимания причин возникновения негативных явлений и способов противодействия им [6. С. 14].

Взаимосвязь правозащитной и профилактической функции имеет место как в различных звеньях судебной системы в рамках одного государства, так и в международных судах; кроме того, современная правовая система предусматривает четкий механизм учета международных стандартов правосудия в национальной правовой и судебной системе.

На национальном уровне особенно ярко профилактический потенциал суда замечен при анализе его правозащитной деятельности при рассмотрении конкретного уголовного дела. В ст. 6 УПК РФ прямо указано, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Обращают на себя внимание два момента: постановка правозащитной составляющей судопроизводства на первый план и констатация принципиального равенства в защите прав как лица, совершившего преступление, так и потерпевшего. Вместе с тем стоит заметить, что в практическом отношении механизм защиты прав лица, обвиняемого в совершении преступления, и потерпевшего от преступления далеко не равноценен. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, в уголовно-правовых отношениях противостоит государству в лице его правоохранительных органов, т.е. выступает «более слабым» субъектом; любое ущемление прав этого лица являет собой классическую формулу нарушения прав человека государством. В силу этого интересы обвиняемого в преступлении лица защищает и национальная судебная система, и международные су-

дебные инстанции (в частности, Европейский суд по правам человека). Нарушений прав лиц, которым предъявлено обвинение, на практике достаточно много. Достаточно сказать, что, по словам Генерального прокурора РФ Ю. Чайки, суды Российской Федерации в 2007 г. взыскали из бюджета страны 94 млн руб. в виде возмещения вреда вследствие незаконного привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, в том же году Европейский суд по правам человека по искам пострадавших от незаконного привлечения к ответственности взыскал с России 4300 тыс. евро [7].

Иное дело – механизм защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений (в данном случае мы исключаем из числа потерпевших лиц, признанных жертвами злоупотребления властью). Поскольку формально вред им причинен действиями частных лиц, а не государства, то и защита прав потерпевших объявляется внутренним делом государства; а как показывает российская практика, даже не государства, а самого потерпевшего, поскольку фактически единственным применяемым на практике средством защиты выступает гражданский иск в уголовном процессе либо защита прав в порядке гражданского судопроизводства. Кроме того, жертвы преступлений фактически лишены возможности защиты своих прав в международных судебных инстанциях.

Таким образом, равенства в защите прав преступника и потерпевшего не наблюдается. Отечественное законодательство и практика его применения имеют явный «перекос» в сторону обеспечения интересов лица, совершившего преступление или обвиняемого в его совершении. Вероятно, это реакция на негативный исторический опыт существования инквизиционного процесса и многочисленные злоупотребления властью; следствие ошибочного представления о том, что интересы потерпевшего полностью совпадают с интересами государства и общества. Хотя должны быть очевидными, как минимум, два обстоятельства: наказание преступника и обеспечение прав потерпевшего от преступления. Это не всегда одно и то же, второе совсем не обязательно вытекает из первого, напротив, вступает с ним порой в логическое противоречие; более того, игнорирование интересов потерпевшего является не меньшим, а возможно и большим, нарушением прав человека, ставящим под сомнение легитимность и эффективность правосудия.

С учетом содержания социальной функции современного государства в части поддержания правопорядка, а также с учетом признания преступности формой нарушения прав человека, на современном этапе развития российской правовой системы именно права потерпевшего от преступления должны стать объектом первостепенного и усиленного внимания законодателя и правоприменителя. Должная защита прав потерпевшего от преступления вносит свои существенные коррективы в уголовно-правовую оценку отдельных общественно опасных посягательств в содержание процессуальной деятельности, в реализацию уголовно-исполнительных отношений и в практику криминологического предупреждения преступлений.

Так, в уголовном праве ярким свидетельством трансформации традиционных подходов к оценке пре-

ступления под воздействием формулы «преступность – нарушение прав человека» могут служить два примера. Во-первых, изменения УК РФ от 8.04.2008 г., согласно которым криминообразующим признаком халатности (ст. 293 УК РФ) и квалифицирующим признаком служебного подлога (ст. 292 УК РФ) – этих традиционных криминальных форм нарушения прав человека, было признано собственно существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Во-вторых, это пересмотр на международном уровне оценок положений лиц, ставших жертвами транснациональной организованной торговли людьми и эксплуатации проституции; признание их именно жертвами, а не правонарушителями в связи с занятием незаконными видами сексуальной практики (см. Конвенцию ООН о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2.12.1949 г.). И хотя законодатель планомерно работает над проблемой учета интересов потерпевших в уголовно-правовых отношениях, в целом надо признать, что в отечественном уголовном праве эти интересы еще не в полной мере учтены при решении вопросов об установлении и реализации уголовной ответственности [8].

В уголовном процессе потребность в защите прав потерпевших от преступления стала основанием для более масштабных изменений и дополнений закона. Неслучайно, во многом именно в силу игнорирования прав и законных интересов потерпевших, многими специалистами современный УПК РФ подвергался и подвергается серьезной критике. И, несмотря на многочисленные трансформации УПК РФ, в Специальном Докладе Уполномоченного по правам человека в России «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» за 2008 г. вновь подтверждено: «В настоящее время по многим процессуальным позициям потерпевший поставлен в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым и, таким образом, фактически рассматривается как второстепенный участник уголовного процесса, что позволяет говорить о неполной реализации как принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве, так и принципа состязательности».

Вопросы защиты прав потерпевших от преступления в уголовном процессе не раз становились предметом разбирательства в Конституционном Суде РФ. Представляется крайне важной позиция, сформулированная Конституционным Судом РФ в Постановлении от 11.05.2005 г. «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан». Согласно документу ни объем, ни степень гарантированности прав потерпевшего не могут зависеть от того, было ли государством реализовано его правомочие по осуществлению уголовного преследования или же оно отказалось от этого. Иное приводило бы к нарушению не только закрепленного в ст. 52 Конституции РФ права потерпевшего на обеспечение ему государством доступа к правосудию и компенсацию

причиненного ущерба, но и провозглашенного в ст. 19 Конституции РФ принципа равенства всех перед законом и судом. Конституционную основу правового статуса лица, потерпевшего от преступления, в российском законодательстве составляют положения ст. 45, 46, 52 и 123 (ч. 3) Конституции РФ, согласно которым каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод; права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из положений ст. 21 (ч. 1) Конституции РФ, согласно которым достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством. Потерпевшему следует, в частности, обеспечить не только уважительное отношение и понимание, но также и полную реализацию прав: на обращение в службы поддержки и реабилитации; на получение информации о ходе разбирательства по уголовному делу; на участие в процессе принятия решений; на помощь адвоката; на личную безопасность и защиту от вмешательства в частную жизнь и др.

Практически не исследованным в науке, а потому и без внимания законодателя и суда, остается статус потерпевшего от преступления в уголовно-исполнительных отношениях. Вместе с тем очевидно, что эффективная реализация таких институтов, как условно-досрочное освобождение от наказания, замена наказания более мягким видом, помилование, освобождение от наказания в связи с его отбытием, да и сам процесс исправления и перевоспитания осужденного невозможны без участия и без учета интересов потерпевшего от преступления. Позитивный опыт такого учета (например, информирование потерпевшего об отбытии осужденным срока наказания, участие потерпевшего в судебных слушаниях об условном освобождении от наказания и т.д.) имеется в ряде зарубежных стран. Представляется, что он должен быть осмыслен отечественными специалистами и востребован практикой.

В криминологическом отношении вопросы защиты прав потерпевшего тесно связаны с проблемами компенсации причиненного преступлением вреда, защиты и социальной реабилитации. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. «По делу о проверке конституционности положений ст. 237, 413 и 418

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» прямо указывается: «Гарантируя в статьях 21, 46 (часть 1) и 52 государственную охрану достоинства личности, право на защиту своих прав и свобод в суде и на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, Конституция РФ предполагает необходимость обеспечения восстановления в полном объеме нарушенных преступлением прав и законных интересов. Потерпевшим должна предоставляться государственная защита и обеспечиваться возможность собственными действиями добиваться восстановления своих прав и законных интересов, в том числе в рамках производства по уголовному делу». Вместе с тем системное регулирование вопросов компенсации причиненного преступлением вреда в России отсутствует. Отдельные предписания о защите интересов добросовестных приобретателей в статьях уголовного закона о конфискации имущества, положения УПК РФ о возможности защиты потерпевшим своих прав посредством гражданского иска (и гражданского судопроизводства), предписания Федерального закона от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» не решают проблемы защиты прав и интересов потерпевших от преступлений; в этой части требуется серьезное реформирование отечественного законодательства. При этом заслуживает внимания следующий тезис: при неспособности государства обеспечить потерпевшему возмещение вреда лицом, этот вред причинившим, возместить его должно само государство.

Таким образом, даже в первом приближении проведенный анализ криминологического механизма защиты прав человека на национальном уровне свидетельствует о наличии значительных резервов для его совершенствования в части охраны прав и интересов участников уголовно-правового конфликта, в первую очередь, потерпевшего от преступления. Справедливости ради надо отметить, что проблема защиты прав потерпевшего – не сугубо национальная проблема России. Значительное внимание ей был уделено X Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Констатируя наличие серьезных диспропорций в защите прав преступника и потерпевшего, признавая несовпадение интересов государства и потерпевшего в уголовно-правовом конфликте, ООН, в частности, предложила в качестве возможных путей выхода из ситуации активизацию программ реститивного правосудия и создание международного фонда для поддержки жертв преступности. Представляется, что есть все основания прислушаться к этим рекомендациям. Кроме того, полагаем, что одним из первоочередных направлений в деле усиления гарантий прав потерпевших должно стать присоединение России в Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (1983 г.), которая довольно подробно регламентировала вопросы, связанные с предоставлением компенсации потерпевшим от преступлений [9. С. 81–85]. Представляется также, что в отдаленной же перспективе в целях надлежащего исполнения международных норм о компенсации жертвам и защите прав потерпевших не исключен ва-

риант создания некоего международного органа, который бы контролировал соблюдение соответствующих нормативных актов, поскольку в конечном итоге любое преступление может быть расценено как неисполнение государством его международных обязательств по поддержанию правопорядка на управляемой территории. В подобном случае содержательное и институциональное наполнение механизма защиты прав потерпевшего от преступления и лица, обвиняемого в совершении преступления, сравнялось бы, что способствовало утверждению реального равенства сторон в уголовно-правовом конфликте и равной защите их прав.

Рассматривая криминологический механизм защиты прав человека на национальном уровне, важно учитывать, что функционирование судов в нем не ограничено только деятельностью судов общей юрисдикции по разрешению уголовных дел. Оставляя в стороне вопрос о правозащитной и профилактической функции судов при разрешении дел, вытекающих из гражданских и административных правоотношений, обратим внимание на особую роль Конституционного Суда РФ в данном механизме. Рассматривая вопрос о соответствии Конституции РФ законов, в том числе уголовно-правового и предупредительного содержания, а также осуществляя толкование Конституции РФ, этот орган «стоит на страже» конституционных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-правовой конфликт, способствуя защите их прав от возможных нарушений со стороны государства.

Очевидно, что криминологический механизм защиты прав человека не ограничивается профилактическими и правозащитными функциями суда. Возможно, более значимую роль в нем играет профилактическая защита прав человека на досудебных стадиях и, в частности, в процессе криминологической профилактики преступлений. Саму постановку вопроса о защите прав лиц, в отношении которых осуществляются профилактические мероприятия, можно признать традиционной. Однако в теоретическом и прикладном плане гораздо важнее сместить акценты в содержании собственно профилактической деятельности.

Традиционно практически все меры профилактики представляют собой различной степени интенсивности ограничение прав и свобод «потенциальных преступников». Для подтверждения этого обстоятельства достаточно сослаться на содержание действовавших в разное время нормативных актов предупредительного характера и их современных проектов [10]. В основе таких решений лежит, скорее всего, допущение дифференцированного подхода к определению объекта профилактического воздействия и объекта профилактической защиты, при котором лицо, потенциально склонное к совершению преступлений, является объектом воздействия, а интересы потенциальных потерпевших (включая общество и государство) – объектом защиты [11].

Такое противопоставление, на наш взгляд, при современном уровне развития гуманитарной и криминологической теории не может быть оправдано. Надо признать, что профилактика, основанная только и исключительно на ограничении прав человека (даже под контролем суда), не способна быть в полной мере эффективной. В конце концов, человек совершает пре-

ступление не от избытка прав, а от отсутствия возможностей в их удовлетворении легальным путем. В силу этого основным содержанием профилактических мероприятий должны быть не столько запреты и ограничения, сколько содействие человеку в реализации принадлежащих ему прав и защита этих прав. А потому и в ряду объектов профилактической защиты должны значиться не только потенциальные потерпевшие, общество и государство, но само лицо, находящееся в социальном опасном положении и готовое к совершению преступлений. Справедливы в этой связи рассуждения М.М. Бабаева, который указывает: «Государство, способное признать потенциального преступника объектом профилактической защиты, не просто формально умножает ценность и значимость своей предупредительной деятельности. Заботясь о людях, склонных к общественно опасным поступкам, оно демонстрирует свой гуманизм, свою ответственность за каждого, без исключения, гражданина. Оно прямо защищает таким путем свои собственные интересы, так как потеря каждого человека, который мог бы стать честным, законопослушным гражданином, приносящим не вред, а пользу стране, – это реальный и ощутимый (правда не всегда в силу известных причин осознаваемый) ущерб для государства и общества» [12. С. 94].

При всей нестандартности такого подхода назвать его совершенно новым вряд ли возможно. Напомним, что еще в девятнадцатом столетии известный криминолог А. Франк недвусмысленно высказался о необходимости профилактической защиты лиц, совершающих преступления: «Кто нарушает законы... нарушил права всех, или, лучше, свои собственные права, он продолжает оставаться в полном вооружении и угрожает самому себе, потому что он не признает и отрицает законы, нарушенные им; отрицая и не признавая их, он всегда готов повторять их нарушение, потому самому, что он объявил себя врагом охранительных законов общественного порядка, следовательно, также врагом самого общественного порядка и общего права, он лишается покровительства этих же законов, этого же самого общего права, на котором до совершения преступления опиралась его свобода, его гражданское достоинство, его личная и имущественная безопасность» [13. С. 137–138].

Национальный криминологический механизм защиты прав человека относительно эффективно работает в ситуациях, связанных с реагированием на те или иные общественно опасные деяния, признаваемые преступлениями по национальному праву. Вместе с тем процессы глобализации поставили на повестку дня в качестве актуальных вопросы защиты прав человека от транснациональных преступлений физических (и юридических) лиц и международных преступлений государств.

Борьба с транснациональными преступлениями, согласно ст. 4 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г., осуществляется в соответствии с принципом защиты суверенитета: «1. Государства-участники осуществляют свои обязательства согласно настоящей Конвенции в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела. 2. Ничто в настоящей Конвенции не наделяет Государство-

участника правом осуществлять на территории другого государства юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию органов этого другого государства в соответствии с его внутренним законодательством». Таким образом, механизм защиты прав человека от транснациональных преступлений не имеет существенных отличий от аналогичного механизма правозащитной деятельности по делам о преступлениях согласно внутреннему праву государства.

Иное дело – международные преступления государств. Важнейшую роль в осуществлении правозащитной и профилактической функции в процессе борьбы с этими преступлениями призвана сыграть не только национальная правовая и судебная система отдельных стран, но также нормы международного права и международные судебные органы.

Подводя итог исследованию современного криминологического механизма защиты прав человека, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

1. Криминологический механизм защиты прав человека объединяет в себе профилактическую функцию механизма защиты прав человека, реализуемую, в первую очередь, судом, и правозащитную функцию криминологического механизма социального контроля над преступностью, которая, в свою очередь, представлена

правозащитными функциями суда и субъектов криминологической профилактики преступлений.

2. Данный механизм проявляет себя на двух уровнях: международном и национальном (внутригосударственном), при этом необходимые взаимосвязи между ними обеспечиваются, прежде всего, процессами гармонизации и унификации законодательства о правах человека и борьбе с преступностью; возможностью обращения за защитой прав к международным инстанциям не только после, но и во время рассмотрения конкретного дела в национальном суде; обязательностью международных стандартов прав человека в национальной правозащитной и профилактической деятельности.

3. Особое место в криминологическом механизме защиты прав человека принадлежит суду, который совмещает в своей деятельности правозащитные и профилактические функции. Ощутимый профилактический потенциал заложен практически во всех направлениях деятельности современного суда: от реализации права законодательной инициативы, дачи официальных заключений на законопроекты уголовно-правового содержания, дачи разъяснений по вопросам судебной практики до разрешения по существу конкретного уголовного дела, вынесения наказания и решения вопроса о гражданском иске в уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрухин И.Л. Правосудие в системе государственных функций // Известия вузов. Правоведение. 1983. № 3. С. 36–43.
2. Воскобитова Л.В. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 94–99.
3. Наумов А. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура – как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 24–26.
4. Толкаченко А.А., Кадошко К.А. К вопросу о криминологических функциях правосудия // Российский криминологический взгляд. 2006. № 2. С. 114–117.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации». Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева: Режим доступа: <http://www.ksrf.ru>, свободный.
6. Кадошко К.А. Криминологические функции правосудия, осуществляемого судами общей юрисдикции Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 22 с.
7. Чайка Ю.В. В РФ тысячи граждан арестовывают незаконно. Режим доступа: <http://top.rbc.ru>, свободный.
8. Дедюхина И.Ф. Проблема установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.
9. Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений. Страсбург. 24 ноября 1983 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. 388 с.
10. Законопроект «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», внесенный в Государственную Думу РФ 18.03.2005 г. депутатами Государственной Думы А.М. Розуван, Т.Н. Москальковой, И.В. Бариновым и др. Режим доступа: <http://asozd2b.duma.gov.ru/>, свободный.
11. Аванесов Г.А. Криминология: Учеб. М., 1984. 480 с.
12. Бабаев М.М. К построению системы предупреждения преступлений: некоторые вопросы теории // Россия в современном мире: проблемы, поиски, решения. М., 2005. С. 92–103.
13. Франк А.Д. Философия уголовного права. СПб., 1868 // Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. СПб., 2004. 348 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2009 г.